

Иметь свой транспорт — это ли не мечта творческого коллектива любого музея. Организация поисковых, научных экспедиций по краю, перевоз произведений в село для оформления передвижных выставок, да и в городе мало ли дел, которые можно мобильно решать, используя машину

Первый автобус

текст **Любовь Шамина**

Сергей Пирогов. Поездка на музейном автобусе в Горный Алтай. В центре стоит искусствовед Лариса Иосифовна Снитко. 1970 годы.

Из фотоархива ГХМАК

И вот наконец Министерство культуры РСФСР откликнулось на многочисленные просьбы администрации Алтайского края, художественного музея (АМИИ) и выделило нам, в порядке очереди, автобус «Кубань», который выпускался автозаводом города Краснодара. В 1970 году музей возглавлял Николай Феофанович Шуба. Сообщение о необходимости срочно, в трехдневный срок, получить машину пришло в мае, когда у нашего директора обострилось хроническое заболевание и его положили в больницу. Обязанности руководителя на время болезни он возложил на меня, тогда еще совсем молоденькую

девчонку, и я должна была немедленно принять решение, иначе транспорт передали бы другой организации. Я обратилась за помощью в управление культуры. Заместителем начальника в те годы был хорошо известный всему краю Леонид Степанович Калинин, человек уникальный: дирижер, организатор массовых праздников, чиновник, не лишенный чувства юмора. Добрый и отзывчивый Леонид Степанович все-таки не смог мне помочь, так как коллективы театров готовились в это время к гастрольным поездкам, каждая машина была на счету и водители, естественно, тоже.

«Езжай сама, — с веселой улыбкой выпроводил меня Леонид Степанович, — ни одного мужика дать тебе сейчас не могу».

Со слезами собрала я маленький женский коллектив музея на совет: «Что делать?» Хотя уже понимала, что ехать придется самой, а предварительно — договориться с мужем и маленьким ребенком.

Помню, как с большим пониманием и участием на нашем совещании выступила Тамара Михайловна Степанская, тогда старший научный сотрудник музея. Она сказала: «Любонька, если тебя дома не отпустят, то поеду я». Я посмотрела на нее, маленькую, худенькую, как она выдержит такую поездку, вспомнила взрывной характер ее мужа Георгия... Но самое главное, что она искренне хотела помочь, поддержать, и от этого стало как-то легче.

Я приняла единственное, на мой взгляд, правильное решение, рассчитывая получить автобус, организовать погрузку на платформу, оформить документы и отправить его в Барнаул. Договориться с мужем не получилось, да я и не пыталась, знала, что бесполезно, пришлось схитрить. Пока он был на работе, я написала покаянную записку, оставила ребенка маме и улетела.

В Краснодаре очень удивились моему появлению, обычно водители сами получали машины и доставляли их до места, а тут — какая-то пигалица. Диспетчер кавказской национальности популярно мне объяснил, что я, получив транспорт, должна сама быть в машине и на платформе, сопровождать ее до Барнаула в течение месяца. Это была катастрофа.

Трудности начались уже при получении автобуса. Его нужно было принять в хорошем рабочем состоянии, а какой из меня знаток машинного дела? Пришлось нанять за плату хорошего специалиста, и транспорт был принят с мотором, бензобаком, колесами, аккумулятором.

В назначенный день меня, автобус, продукты, которые удалось купить, погрузили на платформу. Закрепили, чтобы не свалилась, и отправили в путешествие.

Сопровождала я машину до Барнаула слава богу не месяц, а семнадцать суток. Вспоминая приключение более чем сорокалетней давности, не перестаю удивляться. Неужели это все было? Как можно было решиться на такую поездку?

Ведь это не пассажирский, а товарный поезд, который не останавливается на станциях и может сутками находиться где-нибудь в отстойнике, дожидаясь формирования состава. Узнала я, что такое «горка», с которой отпускают платформу в свободный полет, забывая о живом человеке в автобусе. При столкновении с составом автобус мотало, а я получала ушибы во все мыслимые и немыслимые места.

Пришлось ехать, не умываясь и не расчесываясь. Перед отъездом я сходилa в краснодарский театр и, чтобы быть красивой, сделала прическу с начесом. Лак, который обильно нанесли на мои волосы, оказался неподходящим для расчески без воды. Пугало огородное да и только, благо, что никто не видел этого ужаса.

Первый раз я умылась в ручье на Уральских горах, да чуть было там и не осталась. Зачерпнув пару ладошек воды и ополоснув лицо, оглянулась, а состав тронулся — я бегом за ним, едва успела.

Ночами было страшно. Особенно после того, как увидела в безлюдной степи на рельсах мужской труп без головы и ног. Только тогда до меня дошло, что на месте этого человека могла быть я — что стоит справиться с беззащитной женщиной. И я решила обезопасить себя. Открутила ручку дверцы автобуса с наружной стороны,

доставала из комплекта шторы, закрыла ими окна, чтобы меня не было видно. Сделала постель из 60-местной палатки, используемой как зрительный зал. Положила рядом с собой молоток. «Пускай только сунутся», — думалось мне. Позже муж объяснил, что кому надо, высмотрели бы, забрались и этим молотком и убили бы.

А пока я потихоньку редела, посылая мужу жалостливые открытки на больших грузовых станциях через случайных прохожих.

Тем временем мой муж, Владимир Викторович, машинист тепловоза, поднял большой скандал в управлении культуры, грозя посадить всех виновных, в том числе и И. И. Акишева, начальника управления, в тюрьму, если с его непутевой супругой что-нибудь случится. Он обратился за помощью к руководству Западно-Сибирской железной дороги, просил, чтобы меня разыскали и сообщили в Барнаул, жива ли. На каждой товарной станции, куда прибывал состав, к автобусу стали приходить какие-то люди, они стучали и спрашивали на месте ли сопровождающая. Покоя не стало ни днем, ни ночью. В светлое время великовозрастные игруны стреляли камнями в окна автобуса, в темное — каждый стук опускал сердце в пятки.

Состав долго стоял в Новосибирске, я так радовалась, что совсем скоро буду дома. «А как же автобус доедет до музея без бензина, — подумала я. — Надо его где-то добыть». На станцию то и дело подходили машины, загружались, разгружались. Я подошла к одному шоферу и попросила его продать мне ведро бензина. «Бери», — разрешил он. Так было стыдно признаться, что я не знаю, как это сделать. Он искренне удивился. Кто такую мог послать в командировку за автобусом? Но помог. Быстро нашел в салоне шланг, сунул его в боковое отверстие автобуса и залил бак.

В Барнаул мы прибыли вечером, когда рабочий день уже закончился. Платформу разгружать было некому, поэтому пришлось пережить еще одну ночь на железной дороге.

Я очень надеялась встретить на станции мужа, но, как оказалось, он сменился, и на его тепловозе работал другой машинист, который много раз проезжал мимо платформы, с любопытством поглядывая на женщину, прильнувшую к окну автобуса. С большим трудом я дождалась рассвета.

Попросив коллегу мужа присмотреть за автобусом, я отправилась к телефону-автомату и позвонила в музей. На станцию прибежал наш директор Николай Феофанович, но домой мне удалось попасть только к вечеру после разгрузки платформы и оформления документов.

Дома меня ждал великий скандал. Муж, с трудом бросивший курить, не выпускал папиросу из рук. Я плакала. Наконец, мы помирились. При мытье головы я выдрала половину волос, но это уже не огорчало. Какое счастье быть дома, чистой, в родной семье.

Николай Феофанович пообещал, что за мой подвиг автобус, пока на ходу, всегда будет возить меня бесплатно. С этой машиной мне еще пришлось натерпеться гараж, ремонт. Правда, и доброго с ее помощью сделано немало.

На собственном транспорте сотрудники музея объездили весь край с выставками и лекциями, отправлялись в поисковые экспедиции. Нам удалось собрать и исследовать интереснейший материал по культуре и искусству народов, населяющих Алтайский край: алтайцев, казахов, мордвы, немцев, украинцев, русских старообрядцев.

У музея было много автобусов, и больших, и маленьких, но этот, первый, не забудется никогда. ■